

В. А. Зверев

**«ВСЕ ИДЕТ В СВОЙ ЧЕРЕД». ГОРОДСКОЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ В СИБИРИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.**

Опубликовано: Зверев, В. А. Городской демографический календарь в Сибири второй половины XIX – начала XX в. / В. А. Зверев // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 1 (23). – С. 68–74 : порт.

В начале 2000-х гг. автор настоящей статьи предложил внести в словарь социальной истории, культурологии, этнологии, демографии понятие народного демографического календаря [9]. *Народный демографический календарь* (НДК) определяется мною как общепринятый в конкретной социальной среде, объективно и субъективно обусловленный устойчивый способ хронологической организации в течение календарного года демографического поведения людей как составной части их биосоциального образа жизни, а также производных от этого поведения демографических событий, социально-демографических и социокультурных процессов. Демографическое поведение людей имеет сложную структуру, и в зависимости от того, какую его сферу календарь регулирует и оформляет, можно выделить следующие основные *составные части, или аспекты* НДК: миграционный, матримониальный (брачный), сексуальный, прокреативный (детородный), витальный (жизнеохранительный), летальный календари.

Как мне представляется, разным историческим типам народной культуры соответствуют традиционный, переходный, современный и иные *исторические типы* НДК. В зависимости от выбранного для научного изучения субъекта демографического поведения можно говорить об индивидуальном, семейном, микроэтническом, крестьянском, деревенском, городском, региональном, национальном и иных разновидностях НДК. В

ряде моих работ подробно рассматривались основные параметры деревенского семейного календаря у русских крестьян-сибиряков второй половины XIX – начала XX в. – периода, когда НДК втягивался в модернизационные демографические и социокультурные процессы [8, с. 78–80, 83–84, 94–96; 10 и др.]. В. И. Баяндин, работая в историко-краеведческом ключе, попутно с решением других задач, выявил помесичное и посезонное распределение браков и тесно связанных с рожденьями крещений в отдельных русских селениях Томской губ. того же периода [3, с. 2; 4, с. 39; 5, с. 46–48 и др.].

Городской демографический календарь Сибири досоветского периода также фактически уже стал объектом изучения специалистов, хотя соответствующее понятие ими не использовалось. По данным метрических книг ежегодное распределение свадеб по месяцам и сезонам в православном населении городов Томской губ. – Барнаула в 1762 г., Каинска в 1826–1830 гг., Бийска в 1845 г. – рассмотрел В. И. Баяндин [1, с. 229–230; 2, с. 32–33]. В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров, изучая более интересный для нас период рубежа XIX–XX вв., расширили территориальные рамки работы на всю Западную Сибирь, учли распределение не только браков, но и рождений [6, с. 219–221; 13, с. 118–120, 134–135, 310–311; 14, с. 72–73, 80–82, 244]. Они опирались при этом на аккумулярованные данные метрических книг православных церквей Барнаула за 1871–1874 гг., городов Тобольской губ. за 1902 и 1909 г., Омска за 1913 и 1916 г. Аналогичный источник мобилизовала и К. В. Лобанова, указавшая соотношение числа осенних и зимних браков у городских крестьян Тюмени на рубеже XIX–XX столетий [11, с. 82–83]. В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров сделали ряд интересных выводов, сравнивая календарное распределение браков и рождений в выделенных ими городах и в сибирской деревне (деревенские данные они брали в моих работах).

Как и в моей практике историка-«деревенщика», в первых работах, выполненных на городском материале, продуктивным в методологическом плане оказалось сочетание *двух способов исследования* НДК: а)

количественно-статистического, призванного математически выразить посезонное распределение демографических событий; б) содержательно-объяснительного, результатом которого является характеристика объективных и субъективных факторов, технологических способов и общественных форм сезонной организации демографического поведения людей. Таким путем историки пришли к важным наблюдениям и теоретическим выводам о брачном и детородном городских календарях, но сколько-нибудь полной научной картины НДК в его сибирском городском варианте до сих пор не существует. Нуждаются в расширении и список изучаемых научных проблем, и территориальные границы работы (за счет включения в них Восточной Сибири), и круг исторических источников, привлекаемых в исследованиях городского демографического календаря (ГДК) Сибири второй половины XIX – начала XX в.

Задачи настоящего исследования заключаются в следующем: 1) ввести в научный оборот, подвергнуть количественному и содержательному анализу новый комплекс демографической статистики, дающий представление о помесечном распределении демографических событий в городах Сибири; 2) выявить общие черты и специфику брачного, репродуктивного, летального календарей в городах разных губерний Сибири, степень близости ГДК деревенскому демографическому календарю; 3) охарактеризовать роль основных факторов существования и развития ГДК Сибири в мирные годы второй половины XIX – начала XX в.; 4) апробировать постановку вопроса о влиянии на ГДК в Сибири крупных политических потрясений начала XX столетия.

Базовыми *источниками* для настоящей работы стали мало привлекавшие до сих пор внимание ученых массовые статистические данные о ежегодном демографическом цикле в городах ряда губерний Западной и Восточной Сибири. Эти данные вторичного, обобщающего характера восходят к систематическим записям актов рождения, бракосочетания и смерти в метрических книгах церквей как первичному источнику. Педагог, издатель и

статистик А. И. Ефимов суммировал, сгруппировал, прокомментировал и опубликовал в свое время сведения метрических книг православных церквей о демографических событиях, происшедших во всех городах Томской губ. за длительный 11-летний период 1870–1880 гг. [7]. Сходные по происхождению и структуре статистические данные о поликонфессиональном населении всех городов Тобольской и Енисейской губ. за 1902–1903 гг. были аккумулированы в соответствующих губернских статкомитетах. Затем они прошли проверку в Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел России и были напечатаны в официальных изданиях этого ведомства [15, вып. 66, 70].

Важные достоинства привлеченных материалов заключаются в том, что они: а) охватывают основную часть городского населения Сибирского региона, взятого в границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губ., Акмолинской и Забайкальской обл. – более 60 % на 1897 г. [подсчитано по: 12, табл. 1 (вклейка)]; б) характеризуют ситуацию не за один отдельно взятый год, а за более длительные периоды (минимум – за два смежных года), что исключает нежелательный элемент случайности, «нетипичности» рассматриваемой ситуации. Можно уверенно говорить о репрезентативности привлеченных данных для характеристики ситуации, существовавшей в городской среде всей Сибири на протяжении длительного периода второй половины XIX – начала XX в. Мною проведена дополнительная математическая обработка указанных статистических данных. Вычислено помесечное распределение в календарном году различных демографических событий – сначала в абсолютных, затем, на этой основе, в относительных величинах (уровень ряда принят за 1000), в результате чего построена таблица, представленная ниже.

Количество демографических событий, распределенных по месяцам, в городах ряда губерний Сибири (средняя величина принята за 1000)*

Месяц	Браки	Зачатия	Рождения	Смерти
-------	-------	---------	----------	--------

	А	Б	В	А	Б	В	А	Б	В	А	Б	В
Январь	3000	2844	2112	1116	1079	1020	1013	978	991	773	887	887
Февраль	1716	1524	1812	1009	986	1044	943	1049	983	750	946	878
Март	–	96	96	936	903	903	962	1115	1068	921	1094	1033
Апрель	864	684	876	1013	978	991	936	901	956	895	1084	1123
Май	1116	1056	1044	943	1049	983	970	929	930	944	962	1075
Июнь	372	372	540	962	1115	1068	1128	1134	1000	1478	1117	1103
Июль	1092	1152	1032	936	901	956	1066	1113	1028	1577	1641	1400
Август	360	576	600	970	929	930	997	958	1083	1084	1231	1163
Сентябрь	792	936	948	1128	1134	1000	924	860	1004	917	730	818
Октябрь	1440	1584	1284	1066	1113	1028	1116	1079	1020	955	681	909
Ноябрь	1248	1116	1560	997	958	1083	1009	986	1044	834	753	765
Декабрь	–	60	96	924	860	1004	936	903	903	872	875	847

* Подсчитано по: *Ефимов А. И.* Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг. – СПб., 1890. – С. 11–12, 15–17, 41–42; Статистика Российской империи. – СПб, 1907. – Вып. 66. – С. 252–254, 276–277; 1909. – Вып. 70. – С. 252–254, 276–277.

Литерами обозначены события: А – в Томской губ. 1870–1880 гг., в православном городском населении, составлявшем более 90 % всех горожан; Б – в Тобольской губ. 1902–1903 гг., во всем городском населении; В – в Енисейской губ. 1902–1903 гг., во всем городском населении.

Еще раз повторю, что в таблице приведены относительные величины. Для адекватного их понимания следует указать и исходное *абсолютное количество* демографических событий. По сведениям указанных источников, в городах Томской губ. в период 1870–1880 гг. в среднем за год православные жители заключали 493 брака, в их среде ежегодно происходило в среднем 3114 рождений и 3166 смертей. В городах Тобольской губ. в 1902–1903 гг. произошло в среднем за год свадеб – 496, рождений – 3038, смертей – 2950. Соответствующие показатели в городах Енисейской губ. в то же двухлетие: 556, 3267 и 2712. Указанные в таблице сугубо приблизительные данные о количестве зачатий высчитаны мною так: относящиеся к тому или иному месяцу сведения о числе рождений

передвинуты назад на девять месяцев – на срок обычной продолжительности женской беременности.

Полученные нами количественные сведения о помесечном соотношении демографических событий в городах Сибири хорошо согласуются с более локальными данными В. И. Баяндина и К. В. Лобановой (в отношении матримониального календаря), В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова (в отношении календарей браков и рождений). Это соответствие – весомое доказательство высокой репрезентативности привлеченных нами материалов. Анализ показателей, сведенных в таблицу, позволяет сделать следующие *основные выводы* относительно свойств городского демографического календаря в Сибири второй половины XIX – начала XX в.

Прежде всего, обращает на себя внимание следующий факт: существует высокая степень корреляции тех рядов цифр, которые показывают помесечное распределение в городах демографических событий *одного типа* (например, браков), происходивших в разные годы, в различных губерниях Сибири. Так, линейный коэффициент корреляции распределения браков в Томской губ. 1870–1880 гг. и Енисейской губ. 1902–1903 гг. достигает 0,95 (максимально возможный коэффициент равен 1). Это, во-первых, еще раз подтверждает репрезентативность привлеченных в качестве исторического источника статистических данных, во-вторых, свидетельствует об идентичности режима естественного движения и воспроизводства населения, о единой социокультурной обусловленности этого режима в разных сибирских городах на всем протяжении изучаемой эпохи.

В пределах одной губернии ряды цифр, характеризующие распределение событий *разного типа* (например, свадеб и смертей), напротив, не обязательно коррелируют друг с другом. Так, линейный коэффициент корреляции сезонной динамики брачности и летальности в Енисейской губ. 1902–1903 гг. составляет -0,28, что означает отсутствие взаимосвязи двух динамических рядов показателей. Выделенные в таблице составные части ГДК – брачный, детородный, летальный календари – были автономными и

требуют различного объяснения. Больше всего различилась по месяцам и сезонам интенсивность брачности, меньше были отличия у смертности, равномернее всего по годовому кругу распределялись зачатия и рождения. К примеру, в ГДК Томской губ. 1870–1880 гг. вариационный размах (разница между наибольшим и наименьшим значением признака в динамическом ряду) для свадеб равнялась 3000, для смертей – 827, а для зачатий и рождений – 204 (подсчитано по таблице).

Разумеется, вывод об отсутствии прямой зависимости между различными составными частями ГДК не относится к календарям зачатий и рождений – эти события по естественным причинам и понятным образом тесно связаны друг с другом, хотя в годовом круге и сдвинуты по времени на девять месяцев. Кроме того, можно обнаружить некоторую, хотя статистически и слабо заметную, степень соответствия у календарей браков и зачатий. Например, в Тобольской губ. 1902–1903 гг. линейный коэффициент корреляции сезонности свадеб и зачатий равнялся 0,44, что близко к 0,5 – показателю, при превышении которого связь двух динамических рядов считается сравнительно тесной. Это не должно нас удивлять, ведь в изучаемый исторический период соответствующими традиционной норме, единственно оправданными в народной среде считались половые отношения, во-первых, только в браке, во-вторых – не предусматривающие предупреждения зачатий.

Перейду к объяснению описанной здесь, статистически выраженной ситуации (это объяснение, разумеется, учитывает соображения и выводы, ранее изложенные в работах В. И. Баяндина, В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова). На складывание этой ситуации, несомненно, оказывала совокупность нескольких взаимосвязанных факторов, действующих в сложном динамическом единстве.

Для начала примем в расчет действие *природного фактора*. Очевидно, что на демографический календарь влияет биология человека: сокращение осенью и зимой выработки мелатонина нужно принять в расчет, объясняя

повышенное число зачатий в сентябре-октябре и январе-феврале, а рождений, соответственно, в июне-июле и октябре-ноябре. Спад количества зачатий в марте, а рождений в декабре объясним с учетом того, что ранней весной происходит естественное снижение способности к оплодотворению. Опосредованно оказывали воздействие на демографический календарь климатические условия Сибири. Высокая интенсивность хозяйственных работ в недолгое у нас теплое время года сказывалась на малом количестве свадеб в апреле, июне, августе-сентябре. Та же причина влияла на снижение сексуальной активности и соответствующее сокращение числа зачатий в мае, а также в июле-августе. Естественной причиной максимума смертности в июне-августе являлась присущая южной, заселенной полосе Сибири летняя многодневная жара. Она провоцировала ослабление человеческого (особенно детского) организма и бурное размножение опасных для него вирусов.

Некоторые особенности хозяйственной деятельности городского населения являлись *экономическим фактором* формирования годового цикла демографических событий. На весну, лето и начало осени приходилась интенсификация многих сезонных производственных процессов, в которые были втянуты горожане. Имеются в виду, главным образом, сельскохозяйственные работы: полеводство, скотоводство, огородничество, заготовка сена, собирательство, но также участие в рыбном и охотничьем промысле, паромные работы и др. В таких занятиях в разной степени была задействована значительная часть горожан Сибири – крестьяне-отходники, городское крестьянство и беднейшая часть мещанства, в наибольшей степени – жители малых городов (такие города исследователи даже называют «аграрными») [14, с. 230]. Интенсивность работы сезонно повышалась или понижалась и для горожан, занятых в ряде отраслей промышленного производства (переработка сельскохозяйственного сырья, горнодобывающая промышленность и пр.), на водном и гужевом транспорте, в сфере передвижной торговли.

Возрастание или сокращение хозяйственной нагрузки на горожан в разные месяцы – одна из важных причин имевшего место в ГДК заметного колебания матримониальной и сексуальной активности, а также повышения или снижения летальности. Экономический фактор нужно обязательно учитывать, объясняя малое количество браков в марте-апреле, июне, августе-сентябре: это периоды наиболее интенсивных земледельческих и некоторых промысловых занятий. С ним были связаны оба максимума матримониальной активности – в январе-феврале и октябре-ноябре: в это время часть сезонных работ сворачивалась, горожане имели продукты и доходы от своего хозяйства, у них появлялись деньги и свободное время для свадебных церемоний. Воздействие того же фактора (наряду и во взаимосвязи с другими) приводило к тому, что в весенне-летний период снижалось, а в осенне-зимнее время повышалось количество зачатий. Это, в свою очередь, влекло за собой минимум рождаемости в декабре-мае и максимум – осенью. Ежегодный всплеск смертности сибиряков весной (он обнаруживается в колонках таблицы, представляющих Тобольскую и Енисейскую губ.), очевидно, был связан с необходимостью для многих горожан в обманчивую весеннюю погоду работать вне теплого помещения.

В качестве *культурно-религиозного фактора* бытования ГДК действовал механизм воспроизводства в сибирских городах традиционных демографических представлений и норм демографического поведения. Воспринятые от деревенских предков, освященные общественным мнением правила требовали играть свадьбы осенью «на Казанскую» или в «зимний мясоед», не препятствовали бурному всплеску половой активности в периоды выхода из длительных постов (с этим был связан подъем количества зачатий в январе) и т. д. Православная церковь регламентировала время венчания браков, предписывала периоды воздержания от сексуальных связей, а значит, регулировала сезонность свадеб, зачатий и рождений.

Сравнение ГДК с семейным деревенским демографическим календарем Сибири (напомню, что он полномасштабно описан в моих работах и,

применительно к отдельным селам, в статьях В. И. Баяндина) показывает высокую степень сходства обоих по основным параметрам. Например, линейный коэффициент корреляции между сезонностью рождений в городах и селениях Томской губ. за 1870–1880 гг. равняется 0,83, что ясно указывает на однотипность демографических представлений и репродуктивного поведения жителей в городских и сельских поселениях. В указанном сходстве городского и деревенского календарей проявляется *традиционный характер* того и другого. Возникнув ранее и получив наиболее полное развитие в крестьянской среде, традиционный демографический календарь закрепился и в городах по мере их развития. Его доминирование здесь поддерживалось процессом «окрестьянивания» (руризации) городов в ходе заселения их все новыми группами уходящего из деревень крестьянства.

Однако все же во второй половине XIX – начале XX в. *наметилась модернизация сибирского ГДК*, одним из признаков начальной стадии которой можно считать более равномерное, чем в сельском календаре Сибири, распределение всех демографических событий по месяцам года. Конечно, относительная «сглаженность» ГДК имела также фундаментальную причину, действовавшую и раньше: образ жизни горожан всегда меньше зависел от ежегодных природно-климатических циклов, чем жизнь сельчан. Однако в изучаемый период появились и дополнительные факторы. В ходе секуляризации и рационализации общественного сознания и поведения людей происходило ослабление зависимости демографической сферы общества, прежде всего в среде интеллигенции, чиновничества, образованной части предпринимателей, от требований религии и церкви. В условиях начавшихся урбанизации и индустриализации устаревали и становились неактуальными установки деревенской аграрной среды, сила сложившихся здесь традиционных сезонных ограничений брачной и сексуальной активности ослабевала.

В заключение следует указать, что описанное выше характерное для ГДК Сибири *помесячное и сезонное «нормальное» распределение*

демографических событий в экстраординарных случаях нарушалось. Наиболее значимые нарушения происходили в периоды участия России в крупномасштабных военных действиях, ведь из населения городов, из повседневных демографических отношений оказывалась изъятой большая часть мужчин брачного и продуктивного возраста, увеличивалась физическая и психологическая нагрузка на оставшихся в тылу людей, перераспределялись хозяйственные работы в семьях и т. д. В январе 1904 г. началась Русско-японская война, и уже в феврале-марте произошел «матримониальный обвал» – резкое сокращение количества браков. Например, за два месяца во всех вместе взятых городах Енисейской и Иркутской губ. было сыграно всего 30 свадеб [подсчитано по: 15, вып. 74, с. 254], тогда как в «нормальные» 1902–1903 гг. в одной Енисейской губ. за те же месяцы горожане заключали в среднем 89 браков.

У нас есть возможность сравнить ГДК Енисейской губ. 1902–1903 гг. с ГДК Енисейской и Иркутской губ. 1904 г. Линейный коэффициент корреляции помесечных показателей брачности в данном случае едва дотягивает до 0,27 [подсчитано по: 15, вып. 66, с. 255; вып. 70, с. 255; вып. 74, с. 255]. Это говорит о серьезном календарном «нестроении», дезорганизации ГДК уже в начальный период Русско-японской войны. Таких экстраординарных обвалов и сбоев в демографической сфере городского социума Сибири, вместе со всей Россией переживавшей в XX в. модернизационные процессы, в последующее время будет еще немало.

Список источников и литературы

1. *Баяндин, В. И.* Коллекция метрических книг Алтая в фондах Государственного архива Новосибирской обл. // *Этнография Алтая и сопредельных территорий.* – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. – Вып. 4. – С. 227–231.

2. *Баяндин, В. И.* Метрические книги г. Каинска первой трети XIX в. // *Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и*

культурного развития. – Куйбышев [Новосиб. обл.]: Территор. адм. и др., 1997. – С. 30–36.

3. *Баяндин, В. И.* Село Бердское: брак по церковным книгам (конец XIX – начало XX в.) // Бердск: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: Адм. г. Бердска Новосиб. обл. и др., 1996. – Вып. 3. – С. 1–6.

4. *Баяндин, В. И.* Сузун в начале XX в.: браки в городской среде // Вопросы историографии, истории и археологии. – Омск: ОмГПУ, 1996. – С. 38–41.

5. *Баяндин, В. И.* Чулым перед революцией // Материалы научно-практической конференции: Обл. краевед. музей. – Новосибирск: Адм. Новосиб. обл. Ком. по культуре, 1997. – С. 45–49.

6. *Гончаров, Ю. М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.) / Ю. М. Гончаров. – Новосибирск: ИД «Сова», 2004. – 358 с.

7. *Ефимов, А. И.* Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг. / А. И. Ефимов. – СПб.: МВД, Центр. стат. ком., 1890. – 51 с.

8. *Зверев, В. А.* Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. – 244 с.

9. *Зверев, В. А.* Народный демографический календарь как объект социально-исторического исследования // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 306–309.

10. *Зверев, В. А.* Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. – Барнаул: Азбука, 2001. – С. 127–145.

11. *Лобанова, К. В.* Особенности городской крестьянской семьи Тюмени второй половины XIX – начала XX в. // История и культура городов России: от традиции к модернизации. – Омск: ИД «Наука», 2006. – С. 82–84.

12. *Пронин, В. И.* Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // *Город и деревня Сибири в досоветский период.* – Новосибирск: НГУ, 1984. – С. 88–102.

13. *Скубневский, В. А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – Ч. 1. – 360 с.

14. *Скубневский, В. А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. – 2-е изд., доп. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Азбука, 2007. – 292 с.

15. *Статистика Российской империи.* – СПб.: МВД, Центр. стат. ком., 1907. – Вып. 66; 1909. – Вып. 70; 1911. – Вып. 74.